

Сказка объ Иванѣ Царевичѣ.

За высокими горами,
За дремучими лѣсами,
Близъ невѣдомыхъ морей
Жилъ да былъ царь Берендѣй.
У царя росли три сына:
Молодые, холостые
И такіе удалые,
Что ни въ сказкѣ рассказать,
Ни перомъ не описать.
Вотъ пришла пора жениться,
Дѣткамъ, домоу заводиться.—
Пораздумалъ Берендѣй
И, позвавши сыновей,
Имъ держалъ такое слово:
— „Дѣти милыя! Возьмите
„Луки ваши и пустите
„По стрѣлѣ вы къ небесамъ,
„По различнымъ сторонамъ;

„И куда стрѣла свалится—
„Тамъ судьба вамъ и жениться“.—
Натянулъ лукъ старшій братъ —
И у княжескихъ палатъ
Калена стрѣла вонзилась,
Предъ княжною очутилась;
Натянулъ и средній братъ —
И къ купцу, въ гостиный рядъ,
Залетѣвъ, передъ свѣтлицей
Поднята душой-дѣвицей;
Братъ меньшей стрѣлу пустилъ
И въ болото угодилъ;
Подняла ее лягушка,
Неприглядная квакушка.
Загрустилъ Иванъ-царевичъ:
„Какъ лягушку въ жены братъ?
„Развѣ мнѣ она подѣ стать!“
— „Знать судьба твоя такая!“
Царь сказалъ ему, вздыхая,—
И чрезъ мѣсяць съ того дня
Поженился князя.

Вотъ однажды царь сзываетъ
Сыновей и объявляетъ
Имъ родительскій приказъ:
Чтобъ на завтра, въ ранній часъ,
Жены ихъ по короваю

Испекли бы ему къ чаю.
Загустилъ Иванъ-царевичъ...
И кручинень, самъ не свой,
Воротился онъ домой.
— „Ква-ква-ква, мой мужъ любимый,
„Что невесель ты, родимый?“
Лагушоночка къ нему: —
„Дай печаль съ тебя сниму.“
— „Нѣтъ, не снимешь!“ отвѣчаетъ
Ей царевичъ. — „Царь желаетъ,
„Чтобы хлѣбъ ты испекла
„И на утро поднесла.“
— „Только это? Ну, немного!
„Спать ложись, молися Богу, —
„Утро ночи мудренѣй!“
И въ свѣтелочкѣ своей,
Мигомъ снявъ лягушью шкурку,
Обернулась дѣвой красной,
Василисою Прекрасной;
Потянула за кольцо
И вступила на крыльцо:
„— Мамки-няньки! собирайтесь,
„Поживѣе снаряжайтесь,
„Хлѣбъ пеките мнѣ скорѣй,
„Понаряднѣй и сдобнѣй.“
Ото сна возсталъ царевичъ,
Смотритъ — хлѣбъ на удивленье.

Городъ цѣлый изъ печеня!
Весь стѣною укрѣпленъ,
Рвомъ глубокимъ обведенъ;
Башни флагами играютъ,
Храмы шпицами блистаютъ,—
Ну такой, что ни сказать,
Ни перомъ не описать!

Царь доволенъ имъ остался,
Долго хлѣбомъ любовался,
И велѣлъ, чтобы къ утру
Три невѣстки по коври,
По персидскому, соткали
И шелками разубрали.
Загрустилъ Иванъ-царевичъ...
И кручиненъ, самъ не свой,
Воротился онъ домой.
— «Ква-ква-ква, что сталъ невеселъ,
„Буйну голову повѣсилъ?“
Лягушоночка къ нему:—
„Дай печаль съ тебя сниму“.
— „Нѣтъ, не снимешь!“ отвѣчаетъ
Ей царевичъ. — „Царь желаетъ,
„Чтобъ коверъ ты соткала,
„И на утро поднесла“.
— „Только это? Ну, немного!
„Спать ложись, молися Богу,—

„Утро ночи мудренѣй!“
И въ свѣтелочкѣ своей,
Мигомъ снявъ лягушью шкурку,
Обернулась дѣвой красной,
Василисою Прекрасной;
Потянула за кольцо
И вступила на крыльцо:
— „Вѣтры буйныя! Къ родимой,
„Къ моей матушкѣ любимой,
„Вы слетайте—и коверъ
„Принесите мнѣ на дворь!“

Ото сна возсталъ царевичъ, —
Передъ нимъ коверъ цвѣтами,
Блещеть златомъ, жемчугами, —
Ну такой, что ни сказать,
Ни перомъ не описать!

Царь доволенъ имъ остался,
Вдоволь имъ налюбовался,
И, немедля, далъ приказъ,
Чтобы завтра на показъ
Братья съ женами явились,
Счастьемъ брачнымъ похвалились.
Загрустилъ Иванъ царевичъ...
И кручинень, самъ не свой,
Воротился онъ домой.
„— Ква-ква-ква, что сталъ невесель,

„Что головушку повѣсилъ?“
Лягушоночка къ нему:—
„Дай печаль съ тебя сниму!“
— „Нѣтъ, не снимешь!“ отвѣчаетъ
Ей царевичъ.— „Царь желаетъ,
„Чтобы завтра, въ ранній часъ,
„Ты явилась на показъ;
„Но какъ въ люди показаться:
„Намъ вѣдь смѣха не обратиться!“
— „Не тужи!“ она въ отвѣтъ.—
„Ты одинъ иди, мой свѣтъ,
„И, какъ грянетъ буря съ громомъ—
„Объяви предъ цѣлымъ домомъ:
„То лягушка налегкѣ
„Прикатила въ коробкѣ“.

Вотъ на смотрѣ явились братья...
На ихъ женахъ чудо—платья:
Златомъ серебромъ блестятъ,
Бриллиантами горятъ.
На смѣхъ подняли Ивана:
„—Что-жъ жену свою оставилъ?
„Хоть въ платочкѣ бы представилъ!..
„Гдѣ такую подцѣпилъ?
„Чай всѣ топи исходилъ!“—
Вдругъ великій громъ раздался,
Весь дворецъ поколебался;

И, не зная что начать,
Гости такъ перепугались
Что домой бѣжать собирались:
Но царевичъ имъ:— „Не бойтесь,
„Ни о чемъ не беспокойтесь:
„То лягушка налегкѣ
„Прикатила въ коробкѣ“.

Ко крыльцу, какъ жаръ блистая,
Колесница золотая
Подлетѣла, убрана,
Въ шесть коней запряжена.
Изъ нея, какъ цвѣтъ, выходитъ,
Взоромъ ласковымъ поводитъ,
Василиса свѣтъ-душа,
Какъ день Божій хороша;
И супруга ручкой бѣлой
Подманивъ, походкой смѣлой
За дубовый столъ ведетъ,
Нѣжно руку ему жметъ.
Царь и гости въ удивленьи,
А царевичъ въ восхищеньи,—
Пиръ, что вешній громъ, гремитъ,
Бражка сердце веселитъ.
Василиса выпиваетъ
И остатки выливаетъ
За рукавъ за лѣвый свой,
Кость-же лебедя—въ другой,

Уходя съ обѣда, прячеть.
То невѣстки увидали
И примѣръ немедля взяли,
Къ пляскѣ музыка зоветь,
Съ Василисой мужъ идетъ;
Лѣвой ручкою махнула—
Свѣтло озеро глянуло,
Правой—стадо лебедей
Всплыло вдругъ среди зыбей.—
Царь и гости онѣмѣли!
А невѣстки захотѣли
Василисѣ подражать
И, какъ начали плясать,
Рукавами замахали,
Но гостей лишь замарали!
А лебяжья кость какъ разъ
Угодила царю въ глазъ!
На невѣстокъ царь взбѣсился,
Съ ними даже не простился,
И со срамомъ и стыдомъ
Имъ велѣлъ оставить домъ.
Той порой лягушкою шкурку
Розыскать Иванъ рѣшился
И, найдя, поторопился
Сжечь на кухнѣ поскорѣй.
Воротилась изъ гостей
Василиса и сказала:

— „Подождать тебѣ бы мало—
„И на вѣкъ была-бъ твоя;
„А теперь ищи меня
„Въ тридесатомъ, дальнемъ царствѣ,
„Въ неизвѣстномъ государствѣ;
Лапотъ мѣдный истаскай,
„Хлѣбъ желѣзный изглодай!“
Обернулась быстрой птицей
И порхнула изъ свѣтлицы.

Ночь царевичъ прорыдалъ,
А на утро рано всталъ,
Помолился жарко Богу
И отправился въ дорогу.
Долго шель онъ, шель да шель
И на странника набрель.
— „Куда, молодець, пустился?
„Не въ погоню-ль снаряжился?..
„Аль розыскивать что сталъ?“ —
Все царевичъ рассказалъ.
— „Самъ ты, молодець, виною,
„Что въ погонѣ за женою:
„Шкурку женину спалилъ,
„А ее не разспросилъ
„Отчего бѣда случилась;
„Оттого, что уродилась
„Дочка батюшки умнѣй,—

„И за то велѣлъ онъ ей
„Быть лягушкою три года...
„Но пройдетъ твоя невзгода!
„Вотъ клубокъ... за нимъ ступай,
„Ни на шагъ не отставай“.
Благодарствовалъ царевичъ
Съ старцемъ добрымъ распростился,
За клубочкомъ въ путь пустился.

Много-ль времячка прошло,
Часто-ль солнышко взошло,—
Вдругъ клубокъ остановился,
Предъ избушкой очутился,
Безъ окошекъ и дверей.
Говорить царевичъ ей:
— „Эй, избушка, повернися,
„Къ лѣсу задомъ обернися,
„А ко мнѣ-то передомъ,
„И дверями, и крыльцомъ“.
Вмигъ избушка повернулась,
Дверь входная отомкнулась,
А за ней баба-яга,
Деревянная нога,
На полатахъ отдыхаетъ...
Носомъ балку подпираетъ,
Страшной челюстью скрипитъ,
Зычнымъ голосомъ рычитъ:

— „Фу-фу-фу! о русскомъ духѣ

„Мнѣ доселева, старухѣ,

„Не пришлось и слышать,

„Ужъ не только что видать...

„А теперь онъ самъ явился,

„Въ носъ и уши понабился!—

„Ну, зачѣмъ пришелъ сюда?“

— „Ахъ, ты, старая корга!

„Ты-бъ сначала посадила,

„Накормила-напоила,

„Въ банѣ вымыла скорѣй,

„Да и ждала-бы вѣстей.“

И царевича садили,

И кормили, и поили,

А царевичъ разсказаль,

Какъ жену онъ потеряль.

— „Охъ, ты, дитяtko! Поздненько

„Ты пришелъ сюда; давненько

„Перестала она ждать,

„Перестала поминать;

„У сестрицы у моей

„Ты навѣдайся о ней.“

Въ путь царевичъ снарядился,

А клубочекъ покатился.

Много-ль времячка прошло,

Часто-ль солнышко взошло,—

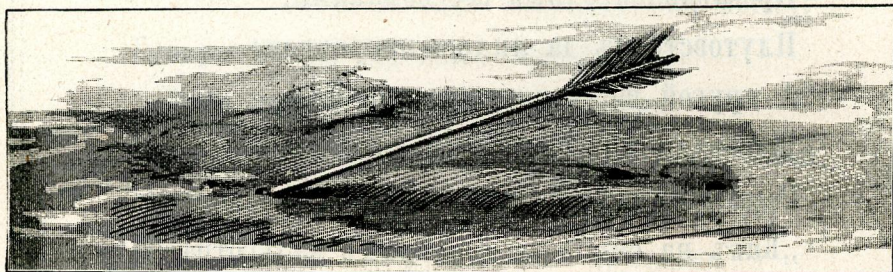
Вдругъ клубокъ остановился,
Предъ избушкой очутился,
Безъ окошекъ и дверей.
Говорить царевичъ ей:
— „Эй, избушка, повернися,
„Къ лѣсу задомъ обернися,
„А ко мнѣ-то передомъ,
„И дверями, и крыльцомъ.“
Вмигъ избушка повернулася,
Дверь входная отомкнулася,
А за ней баба-яга,
Деревянная нога,
На полатахъ отдыхаетъ,
Носомъ балку подпираетъ,
Страшной челюстью скрипнуть,
Зычнымъ голосомъ рычить:
— „Фу-фу-фу! о русскомъ духѣ
„Мнѣ доселева, старухѣ,
„Не пришлось и слышать,
„Ужъ не только что видать;
„А теперь онъ самъ явился,
„Въ носъ и уши понабился!—
„Ты зачѣмъ меня будилъ?“
Ей царевичъ сообщилъ.
— „Охъ, ты, дитятко! Поздненько!
„Василиса ужъ давненько
„Все успѣла позабыть...

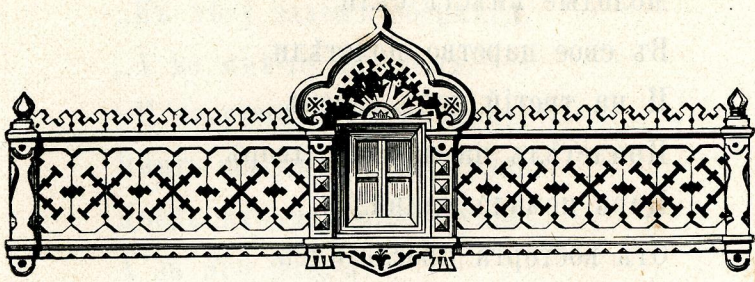
„Хочеть замужь выходить!
„Отъ тебя того не скрою:
„Съ моей старшею сестрою
„По сей часъ она живетъ,
„Злато съ серебромъ прядеть.
„Какъ войдешь—остерегися:
„Передъ тобою Василиса
„Станетъ вдругъ веретеномъ,
„А сестра моя на немъ
„Будетъ нитки вить златыя,
„Серебромъ перевитыя;
„Веретенце то возьми,
„Пополамъ переломи,
„Кончикъ брось ты за спиною,
„Корешокъ-же предъ собою—
„И красива, и вѣрна,
„Тебѣ явится жена.“—

Вотъ клубочекъ покати́лся,
И царевичъ въ путь пусти́лся;
Лапти мѣдныя продралъ,
Хлѣбъ желѣзный изглодалъ;
Наконецъ, остановился,
Предъ избушкой очутился,
Безъ окошекъ и дверей.
Говорить царевичъ ей:
—„Эй, избушка, повернися,

„Къ лѣсу задомъ обернися,
„А ко мнѣ-то передомъ,
„И дверями, и крыльцомъ.“
Вмигъ избушка повернулася,
Дверь входная отомкнулася,
А за ней баба-яга,
Деревянная нога,
Сучить нитки золотыя,
Серебромъ перевитыя;
Веретенце напярла
И подь ключикъ заперла.
А царевичъ незамѣтно,
Раздобывши ключъ завѣтный,
Веретенце утащилъ,
Пололамъ переломилъ,
Кончикъ бросилъ за спиною,
Корешокъ-же предъ собою,—
И откуда ни взялася
Василиса—въ тотъ-же часъ
Передь мужемъ очутилася...
Закраснѣлася, застыдилася,
И, поникнувъ головой,
Такъ сказала:—„Милый мой,
„Я тебя ужъ заждалася...
„Замужъ было собралася!“
Тутъ, безъ всякихъ безъ хлопотъ,
На коверъ на самолетъ

Молодые вмѣстѣ сѣли,
Въ свое царство полетѣли,
И на третій день коверъ
Прилетѣлъ на царскій дворъ.
Царь немало удивился,
Отъ восторга прослезился,
И на радостяхъ весь міръ
Пригласилъ къ себѣ на пиръ.
Три дня гости пировали,
Новобрачныхъ поздравляли;
Я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ,
Но усы лишь замочилъ.

Сказка о правдѣ и кривдѣ.

Въ деревушкѣ одной, въ годы давніе,
Жили два мужичка небогатые;
Пробавлялся одинъ все обманами,
Плутуствомъ да лихою неправдою;
А другой шель дорогою честною,
Добывалъ хлѣбъ работою тяжелою.
Разъ случись—мужички вдругъ заспорили:
„Какъ на свѣтѣ жить людямъ вальготнѣе?“
Утверждалъ первый—лучше жить кривдою,
А второй—хоть съ сумою, да правдою!
Вотъ и спорили долго сосѣдушки—
Уступить никому не желательно—
И идти порѣшили дорогою,
Да у встрѣчнаго люда выспрашивать:
„Какъ на свѣтѣ жить людямъ вальготнѣе?“

Собрались. Шли да шли — и на пахотѣ
Мужичка запримѣтили барскаго;
— „Эй, землякъ! разрѣши, какъ по твоему:
„Лучше правдою жить, или кривдою?“
— „Трудно, милые, жить нынче правдою, —
„Кривдой вѣкъ коротать много выгоднѣй;
„Правда ходить, лаптишками шлепая,
„Кривда-жъ носить сапожки козловые!
„Вотъ хоть наше взять дѣло: на барщину
„Выгоняютъ насъ часто не въ очередь,
„Работать на себя нѣту времени, —
„Ну и скорчишься, будто не можетея,
„А тѣмъ временемъ въ лѣсъ удосужишься,
„И вокругъ дома кой-чѣмъ поуправишься.“
— „Что, слыхаль? Вѣдь выходитъ по моему!“
Говорить криводушный правдивому.

Вотъ пустилися дальше дорогою...
Повстрѣчались съ купцомъ: — „Не погнивайся,
„Разрѣши, сдѣлай милость, что выгоднѣй:
„Правдой вѣкъ коротать, или кривдою?“
— „Нѣтъ, ребятушки, трудно жить правдою:
„Надуваютъ насъ, часто безъ совѣсти, —
„Ну, и мы обмануть не стѣсняемся!“
— „Слышишь: вышло опять вѣдь по моему,“
Говорить криводушный правдивому. —

Шли да шли, повстрѣчались съ бариномъ:
„Разрѣши, сдѣлай милость, что выгоднѣй:

„Правдой вѣкъ коротать, или кривдою?“
— „Вотъ нашли, чудаки, о чемъ спрашивать!
„Дѣло ясное—лучше жить кривдою;
„Вѣдь за правду въ Сибирь прогуляешься,
„Скажутъ тотчасъ, что вздорный да клязунникъ!“
— „Ну, вотъ, слышишь: одно всѣ заладили,
„Что на свѣтѣ жить кривдой вальготнѣе,“
Говорить криводушный правдивому.
— „Нѣтъ, неправда, жить надо по Божьему!“
Отвѣчаетъ правдивый товарищу:—
„Будь что будетъ, не стану жить кривдою!“

Вотъ пошли мужики хлѣбъ разыскивать;
Долго шли, добиваясь работишки;
Криводушный ко всѣмъ такъ и ластится,
И вездѣ его кормятъ безденежно,
Въ путь-дорогу снабжаютъ калачикомъ,
А правдивый лишь гдѣ поработаетъ—
Только тамъ кое-какъ пообѣдаетъ.
Криводушный глядитъ, потѣшается...
Вотъ, случись, отоцалъ тотъ дорогою,
Хлѣбца началъ просить у товарища...
— „А что дашь?“ криводушный ломается.
— „Да бери, самому что полюбится!“
— „А давай—правый глазъ тебѣ выколую.“
— „Ну, коли!“ Криводушный, не мѣшкая,
Правый глазъ у правдиваго выкололъ

И краюшкою хлѣба расщедрился.—

Вотъ пустилися дальше дорогою...

Вновь поѣсть захотѣлось правдивому,

Сталъ онъ хлѣба просить у товарища:

— „А давай—лѣвый глазъ тебѣ выколю!“

— „Пожалѣй! Вѣдь слѣпымъ я измаюся!“

— „Ну, такъ что жъ! За то друженъ ты съ правдою,

„А я кривдой живу-пробавляюся!“

Какъ тутъ быть? Не сторгуешься съ голодомъ!

И правдивый въ слезахъ соглашается:

— „Ну, коли, коль грѣха не опасишься!“

Криводушный глазъ бѣдному выкололъ,

Хлѣба далъ, и слѣпаго правдиваго

Средь дороги оставилъ безжалостно.

Сѣлъ слѣпой каравай и отправился,

По тропиночкѣ узенькой, ощупью,

До деревни добратся надѣяся;

Шель да шель, заплуталъ и не вѣдаетъ,

Какъ на путь настоящій направиться.

Сталъ молиться усердно онъ Господу:

„Не оставь меня, Боже, несчастнаго!“

Помолился—и слышитъ, что голосомъ

Говоритъ ему кто-то невѣдомымъ:

— „Ты направо иди къ лѣсу темному,

„Ко ключу студеному, гремячему;

„Какъ водой изъ него ты умоешься,—

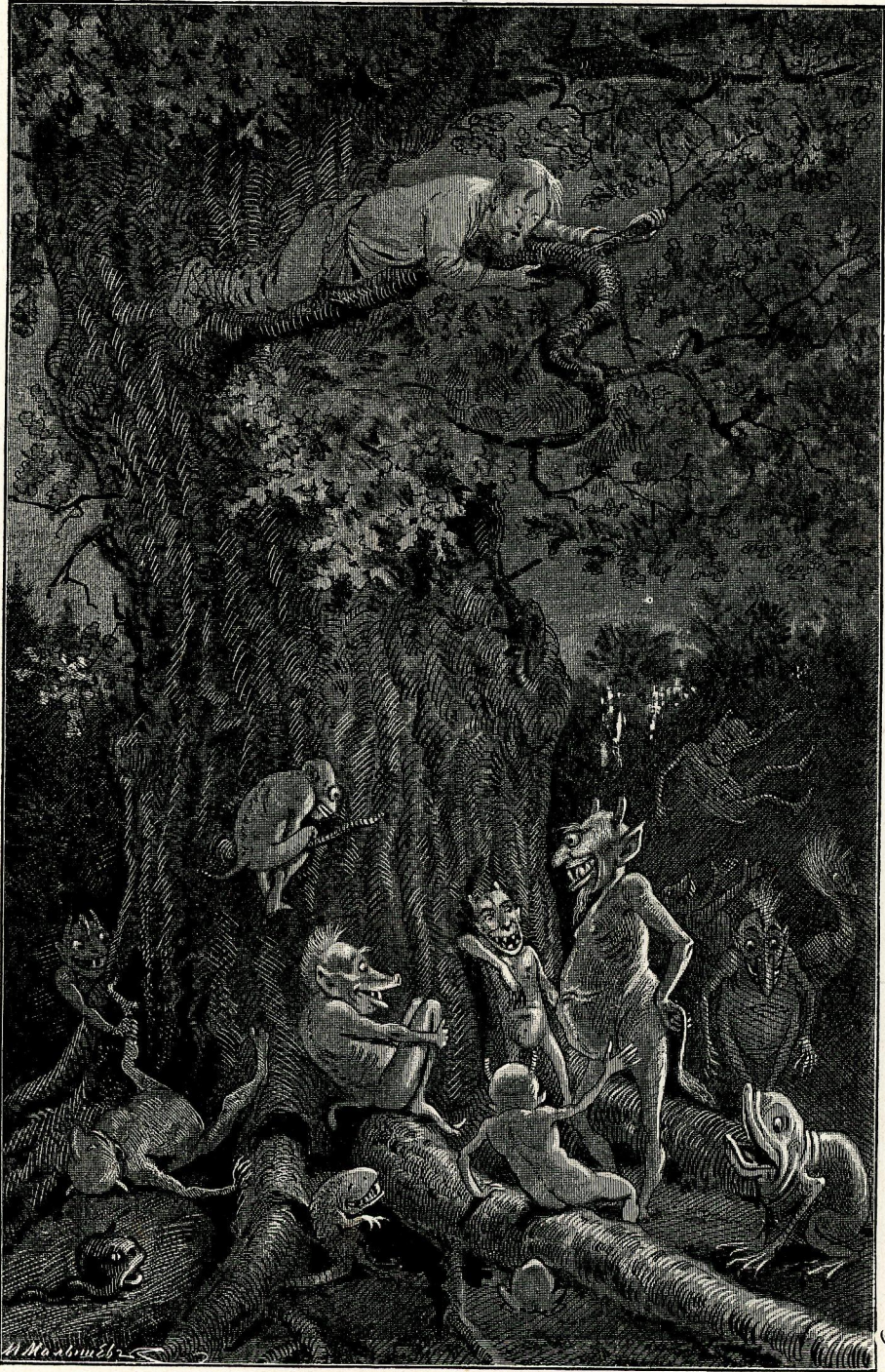
„Богъ даруетъ тебѣ исцѣленіе.

„Послѣ, дубъ запримѣтивъ развѣсистый,
„Полѣзай на него и жди ноченьки!“

Повернулъ нашъ слѣпой, какъ приказано,
Кое-какъ до ключа до гремячаго
Добрался—и водою студеною
Омочилъ свои очи незрячія;
Божій свѣтъ вмигъ открылся правдивому!
Увидавъ дубъ столѣтній, развѣсистый,
Подъ которымъ трава была выбита
И земля словно въ ригъ утоптана,
Влѣзъ и сталъ ожидать темной ноченьки.

Вотъ какъ полночь на землю спустилася,
Стали къ дереву духи нечистые
Отовсюду слетаться и хвастаться:
Гдѣ, кому зло какое надѣлали.
Говоритъ одинъ бѣсъ:—„У красавицы,
„У царевны я былъ въ стольномъ городѣ,—
„Я десятокъ годковъ ее мучаю—
„Изь дворца меня гонять ужъ всячески,
„Да не могутъ осилить; а выгонить
„Меня тотъ, образъ кто Божьей Матери
„Отъ купца раздобудетъ такого-то.“—

Вотъ на утро, какъ только нечистые
Разлетѣлись, правдивый слѣзъ съ дерева
И пошелъ за купцомъ тѣмъ на поиски.
Скоро-ль, долго-ль тянулося времячко,—

Отыскалъ онъ купца—и въ работники
Наниматься къ нему сталъ съ условіемъ:
—„Цѣлый годъ я тебѣ проработаю,
„Не возьму я за трудъ ни копѣчки,
„Только образъ мнѣ дай Богородицы.“
Согласился купецъ; годъ окончивши,
Сталъ правдивый просить объ обѣщанномъ.
Жаль разстаться купцу было съ образомъ:
„Поживи еще годъ; а то деньгами
„Я готовъ разсчитаться какъ слѣдуетъ.“

Дѣлать нечего: волей-неволею
Годъ еще жить пришлось правдивому.
Подошелъ и другой срокъ условію—
И купцу снова жаль стало образа:
—„Лучше я, говорить, тебя деньгами
„Награжу; а коль хочешь иконою—
„Проживи еще годикъ въ работахъ.“
Съ богачемъ гдѣ тягаться бездомному?
Покорился мужикъ своей участи
И служить сталъ купцу пуще прежняго.
Вотъ какъ время къ расчету приблизилось,
Взялъ купецъ образъ Божіей Матери
И вручилъ его тутъ-же правдивому:
—„На, владѣй, и ступай себѣ съ Господомъ.“

Взялъ мужикъ образъ Божіей Матери,
Распрощался по чести съ хозяиномъ

И отправился въ царство далекое,
Гдѣ томилась царевна прекрасная.

Добрался до столичнаго города,
Говорить:— „Излечу я болящую.“

Въ тотъ-же мигъ подхватили правдиваго,
Привели его въ комнаты царскія

И предъ очи царицы поставили.
Попросилъ онъ воды чашу полную.

Погрузилъ въ нее ликъ Божьей Матери
И велѣлъ изстрадавшейся дѣвицѣ

Той водою, не мѣшкая, вымыться;
И какъ только царевна умылася, —

Вдругъ ее сила злая покинула,
И дѣвица здоровою сдѣлалась.

Царь съ царицей всплакнули отъ радости
И не знали, чѣмъ жаловать лекаря:

И чины предлагали, и вотчину.
И казной наградить обѣщались —

— „Ничего, говоритъ, мнѣ не надобно!“
Тутъ царевна неожиданно и молвила:

— „Повѣнчаться желаю я съ лекаремъ!“

Царь желанью тому не препятствовалъ,
Приказалъ обвѣнчать дочку милую

И богато ихъ свадьбу отпраздновалъ.
Сталъ правдивый съ тѣхъ поръ жить по княжески,

Одѣваться въ одежды парчевыя,

Пить и ѣсть за столомъ государевымъ.

Много-ль, мало-ль исполнилось времени,
Сталъ просить онъ царя со царицею
Отпустить его, вмѣстѣ съ супругою,
О родимой сторонкѣ навѣдаться.
Отпустилъ его царь, слова нѣ молвя,
Далъ повозку, коней, сбрую царскіе
И дворцовыхъ людей въ провожатые.
Вотъ поѣхали; какъ-то дорогою
Криводушный имъ вдругъ и встрѣчается:
— „Какъ живешь?“ царскій зять обращается;—
„А-ль забылъ, какъ съ тобою мы спорили,
„Лучше правдою жить или кривою,
„И за хлѣбъ оба глаза мнѣ выколоть?“
Оробѣлъ криводушный, потушился..
— „Да не бойся, вѣдь я ужъ не гнѣваюсь!“
Успокоилъ правдивый товарища
И ему все, какъ было съ нимъ, передалъ:
Какъ прозрѣлъ, какъ пошелъ въ услуженіе,
Какъ взялъ замужъ царевну прекрасную.
Криводушный правдиваго выслушалъ,
И рѣшилъ въ лѣсъ идти заколдованный
Ко ключу студеному, гремячему,
Попытать въ свою очередь счастья.
Въ лѣсъ пришелъ; у ключа, у гремячаго,
Отыскалъ дубъ столѣтній, развѣсистый,

Взобрался и сталъ ждаты темной ноченьки.
Вотъ какъ полночь на землю спустилася,
Отовсюду слетѣлись нечистые,
Увидали въ вѣтвяхъ криводушнаго
И, стащивъ его съ дуба высокаго,
Растерзали на части мельчайшія.

Жилъ старикъ со красавицей дочкой;
Жилъ онъ нею въ миру и согласи
До тѣхъ поръ, пока вновь не женился
На вдовѣ, вѣдьмѣ злой и ехидной.
Не влюбила та мужнину дочку;
Пристаетъ къ старику ежечасно:
— „Прогони ее съ глазъ моихъ вовсе!“

Помирволилъ женѣ старичонка
И въ замужество дочь свою отдалъ
За богатаго, славнаго парня.
Вотъ живетъ она съ мужемъ совѣтно,
И Господь ихъ утѣшилъ мальченкомъ.
Злится вѣдьма; беретъ ее зависть,
Не даетъ ей, проклятой, покоя.
Улучила она какъ-то время,

Обернула дочь мужнину рысью
И прогнала въ лѣсную трущобу;
А въ одежду ея нарядила
Свою дочь—и женой настоящей
Всѣмъ представить ее умудрилась.
И все такъ она сдѣлала ловко,
Что ни мужъ, ни старикъ, ни сосѣди
Плутни той не могли запримѣтить;
Только старая мамка смекнула,
Да и та выдать тайну боится.
Какъ ребенокъ покушать попросить,
Понесетъ она мальчика къ лѣсу
И затынетъ призывную пѣсню:

„Арысь! Арысь! Дитя голосить,
„Тебя зоветь, покушать просить.“

Прибѣжитъ Арысь-поле къ сыночку,
Сброситъ тотчасъ звѣриную шкурку
И покормитъ ребеночка грудью;
Послѣ снова ту шкурку накинеть
И уйдетъ въ свою темную чашу.
Сталъ отецъ наконецъ удивляться:
„Куда мамка съ ребенкомъ уходитъ?“
И однажды, пойдя за ней слѣдомъ,
Увидалъ, какъ пришла Арысь-поле,
Съ себя сбросила теплую шкурку
И кормить принялася малютку.

Изъ за куста тогда онъ подбрался
И немедля зажегъ эту шкурку.
— „Дымомъ пахнетъ!“ кричитъ Арысь-поле,
„Не моя-ли затлѣлася шкурка?“
— „Нѣтъ, то уголье жгутъ дровосѣки,“
Отвѣчаетъ ей вѣрная мамка. —

Обратилась въ золу рысья шкурка,
Воротилась домой Арысь-поле,
Про все бывшее мужу сказала.
Въ ту-жъ минуту сбѣгались люди,
Вѣдму съ дочкой немедля схватили
И сожгли на кострѣ, не жалѣя.

